

КОНСТРУКЦИИ В АНАЛИЗЕ*

ЗИГМУНД ФРЕЙД

I

Один известный ученый без предубеждения относился к психоанализу в то время, когда большинство считало, что он этого не заслуживает, и такое отношение, как мне казалось, делало честь этому ученому. Тем не менее, однажды он выразил мнение об аналитической технике, которое было задевающим и несправедливым. Он сказал, что, давая интерпретации пациенту, мы относимся к нему по знаменитому принципу: «Решка – я выиграл, орел – ты проиграл». Иначе говоря, если пациент соглашается с нами, значит, интерпретация правильная; но если он противится нам, это только признак сопротивления, который опять же показывает, что мы правы. Таким образом, мы всегда правы по отношению к жалкому, беспомощному бедняге, которого анализируем, как бы он ни реагировал на то, что мы ему предлагаем. Сейчас, хотя это и правильное утверждение, что «нет», которое мы слышим от нашего пациента, не является достаточным, чтобы отказаться от интерпретации как от неправильной, откровения такого рода по поводу природы нашей техники очень приветствуются противниками анализа. Поэтому стоит дать подробное *объяснение* того, как мы оцениваем «да» и «нет» наших пациентов во время аналитического лечения – как выражение их согласия или несогласия. Практикующий аналитик естественно не узнает ничего нового для себя из этой оправдательной речи.

Известно, что работа анализа направлена на то, чтобы помочь пациенту отказаться от вытеснений (в самом широком смысле слова) по отношению к предшествующей жизни и заменить их реакциями, которые бы лучше соответствовали психически зрелому состоянию. Имея в виду эту цель, пациента необходимо подвести к воспоминанию определенных переживаний и вызванных ими эмоций, которые он прежде забыл. Мы знаем, что его нынешние симптомы и защиты – это последствия таких

* Перевод с английского выполнен по изданию: S.Freud (1937). *Constructions in Analysis*. In: *Collected Papers*, vol.5. New York: Basic Books, 1959, p.358-371.

вытеснений, т.е. они являются заменой тех вещей, которые он забыл. Какого рода материал предоставит пациент в наше распоряжение, чтобы, используя его, мы могли направить его на путь восстановления утраченных воспоминаний? Всякий. Он даст нам фрагменты этих воспоминаний в сновидениях, сами по себе бесценные, но, как правило, существенно искаженные под влиянием всех тех факторов, которые причастны к образованию сновидений. Затем он будет выдавать мысли, если отдастся потоку «свободных ассоциаций», в которых мы сможем обнаружить намеки на вытесненные переживания и производные подавленных эмоций и реакций против них. И, наконец, намеки на повторение аффектов, относящихся к вытесненному материалу, можно будет найти в действиях пациента, важных или неважных, внутри и вне аналитической ситуации. Наш опыт показал, что отношение переноса, которое устанавливается к аналитику, как раз и направлено на воспроизведение этих эмоциональных связей. И из этого исходного материала – если можно его так назвать – нам предстоит собрать вместе то, что мы ищем.

То, что мы ищем, – это картина забытых лет пациента, которая должна выглядеть правдоподобной и, в основном, завершенной. Но здесь нужно напомнить, что работа анализа состоит из двух разных частей, выполняется в двух различных областях, и включает двух людей, перед каждым из которых стоит особая задача. Вначале может показаться странным, что мы так долго не указывали на столь важный факт; но сразу же понятно, что в этом нет ничего тайного, что это общеизвестный и даже самоочевидный факт, который просто выделен здесь и исследуется отдельно для определенных целей. Все мы знаем, что человек, которого анализируют, должен быть подведен к воспоминанию чего-то, что переживалось им, а затем было вытеснено; и интересно, что динамические детерминанты этого процесса таковы, что в его основу кладется другая часть работы, – часть, выполняемая аналитиком. Аналитик никогда не переживал и не вытеснял этого материала; его задача не в том, чтобы вспоминать. Так *какова же* его задача? Его задача – извлечь то, что было забыто из оставленных следов, или, более правильно, сконструировать это. Время, когда он сообщает свои конструкции анализируемому, и способ, которым он это делает, так же, как и объяснения, которыми он их сопровождает, устанавливают связь между двумя частями работы анализа, между задачей пациента и его собственной задачей.

Его работа по конструированию, или, если хотите, реконструированию, в большой степени напоминает археологические раскопки поселения, которое было разрушено и сожжено, или какого-либо древнего сооружения. Эти два процесса на самом деле идентичны, за исключением того, что аналитик работает в лучших условиях и имеет больше материала в своем распоряжении, поскольку то, с чем он работает – не разрушено, а до сих пор живо – а, может быть, и по другой причине. Но так же как археолог строит стены здания по сохранившемуся фундаменту, определяет количество и расположение колонн по

углублениям в полу и восстанавливает настенную живопись и украшения по обломкам, так действует и аналитик, когда он делает свои выводы из фрагментов воспоминаний, из ассоциаций и поведения анализируемого. Оба имеют неоспоримое право реконструировать путем дополнения и комбинирования сохранившихся остатков. Более того, оба подвержены сходным трудностям и ошибкам. Одна из наиболее деликатных проблем, с которыми сталкивается археолог – это, как известно, определение точного возраста своих находок; и если предмет найден в каком-то определенном слое, часто необходимо определить, принадлежит ли он этому слою или был внесен в него в результате какого-либо последующего нарушения. Легко вообразить соответствующие сомнения, которые возникают в случае аналитических конструкций.

Аналитик, как мы уже сказали, работает в более благоприятных условиях, чем археолог, поскольку у него есть в распоряжении материал, которому нет аналога при раскопках, – такой, как повторение реакций, исходящих из детства, и все, что возникает в связи с этими повторениями в переносе. Но, в дополнение к этому, нужно помнить, что археолог имеет дело с разрушенными предметами, большие и важные части которых были, несомненно, утрачены под действием механических повреждений, огня или разграбления. Никакие усилия не приведут к их нахождению и соединению с уцелевшими фрагментами. Единственный оставшийся путь – это путь реконструкции, который по этой самой причине может часто достичь лишь определенную уровня вероятности. Но это отличается от психических объектов, раннюю историю которых пытается восстановить аналитик. Здесь мы постоянно сталкиваемся с ситуацией, которая в археологии возникает только в таких редких случаях, как случай Помпеи или гробницы Тутанхамона. Все важные элементы сохранны, даже те, которые, казалось, полностью забыты, где-то и как-то существуют и только похоронены и недоступны для субъекта. Более того, можно, как мы знаем, усомниться, действительно ли психическая структура может стать жертвой полного разрушения. Только от аналитической техники зависит, достигнем ли мы успеха в полном освещении того, что было скрыто. Есть только два других факта, говорящих против исключительных преимуществ, которыми пользуется работа анализа: это то, что психические объекты несравненно сложнее, чем находки археолога, и что у нас нет достаточных знаний о том, что мы можем найти, поскольку их тонкое строение включает в себе еще так много загадочного. Но наше сравнение двух форм работы не может идти дальше этого; так как важнейшим различием между ними является то, что для археолога реконструкция – это цель и финал его усилий, тогда как для анализа конструкция – это лишь предварительная работа.

II

Это, конечно, предварительная работа не в том смысле, что она должна быть завершена до того, как начнется сама работа, как, например,

в строительстве, где вначале нужно возвести стены и прорубить окна, чтобы затем перейти к внутренней отделке комнат. Каждый аналитик знает, что психоаналитическое лечение складывается по-другому, и оба вида работы в его рамках выполняются одновременно, один вид немного впереди, а другой – следом за ним. Аналитик завершает фрагмент конструкции и сообщает его анализируемому, чтобы тот мог поработать над ним; затем аналитик конструирует следующий фрагмент из свежего материала, выплеснутого на него, действует с ним так же и работает в таком перемежающемся ключе до конца. Если в рассказе об аналитической технике так мало говорится о «конструкциях», то это потому, что вместо них говорится об интерпретациях и их воздействии. Но я думаю, что «конструкция» является более подходящим описанием. «Интерпретация» относится к тому, что мы делаем по отношению к некому отдельному элементу материала, такому, как ассоциация или ошибочное действие (парапраксис). Но это уже становится «конструкцией», когда мы излагаем перед анализируемым фрагмент его раннего детства, забытый им, примерно таким образом: «Вплоть до N лет Вы считали себя единственным и неограниченным обладателем матери; затем появился другой ребенок и принес Вам тяжелое разочарование, Мать покинула Вас на время, и даже после возвращения она уже занималась не только Вами. Ваши чувства к матери стали амбивалентными, отец стал более важен для Вас»... и т.д.

В настоящей статье наше внимание направлено исключительно на эту предварительную работу, выполняемую конструкциями. Здесь, в самом начале, возникает вопрос, какая у нас есть гарантия того, что, работая над этими конструкциями, мы не делаем ошибок и не рискуем успехом лечения, создавая неверные конструкции. Может показаться, что на этот вопрос нет общего ответа, подходящего к каждой ситуации; но прежде, чем обсудить это, мы утешим себя успокоительной вестью, которую черпаем из аналитического опыта. Из него мы узнаем, что не будет никакого вреда, если однажды мы ошибемся и предложим пациенту ошибочную конструкцию в качестве вероятной исторической правды. Конечно, теряется время, и каждый, кто только и рассказывает пациенту о ложных комбинациях, никогда не произведет на него хорошего впечатления и не продвинет лечение вперед; но отдельная ошибка такого рода не принесет вреда. На самом деле в таком случае пациент реагирует так, как будто ему безразлично, что было сказано, и не говорит ни «да», ни «нет». Возможно, это просто означает, что его реакция отложена; но если ничего дальше не происходит, мы можем сделать вывод, что ошиблись и должны признать ошибку перед пациентом при удобном случае, не жертвуя при этом нашим авторитетом. Такая возможность возникает, когда появляется новый материал, позволяющий сделать лучшую конструкцию и одновременно исправить нашу ошибку. Таким образом ложная конструкция отпадает, как будто бы ее и не было; и, более того, у нас часто возникает впечатление, если пользоваться словами

Полония, что на приманку лжи попалась рыбка правды. Опасение, что пациент запутается под влиянием нашего внушения и убеждения принять то, во что мы верим, а он – нет, обычно чрезмерно преувеличивается. Аналитик должен вести себя очень некорректно, чтобы с ним произошла такая беда, кроме того, он сам должен обвинять себя за то, что не давал пациентам говорить. Я признаюсь без хвастовства, что насильственное «внушение» никогда не возникало в моей практике.

Из сказанного следует, что мы не склонны игнорировать знаки, выводимые из реакций пациента на предложенную ему одну из наших конструкций. Здесь необходимо подробное пояснение. Это правда, что мы не принимаем «нет» анализируемого в его буквальном значении, но также мы поступаем и с «да». Обвинять нас в том, что мы переворачиваем смысл его высказываний, всегда находя в них подтверждение для себя, было бы неоправданно. В действительности дела не так просты, и нам не так уж легко прийти к заключению.

Простое «да» пациента ни в коем случае не бесспорно. Конечно, оно может означать, что он признает правильность представленной ему конструкции; но оно также может быть бессмысленно или даже заслужить название «лицемерного», поскольку для сопротивления пациента может быть характерно использование формального подтверждения для того, чтобы продлить утаивание правды, которая так и не была обнаружена. «Да» ничего не значит, пока за ним не последуют косвенные подтверждения, пока пациент сразу после своего «да» не начнет рассказывать новые воспоминания, которые дополняют и расширяют конструкцию. Только в такой ситуации мы считаем «да» относящимся к тому вопросу, который мы обсуждаем.

«Нет» анализируемого не менее неоднозначно, чем «да» и обладает даже меньшей ценностью. В некоторых редких случаях оно оказывается выражением оправданного отрицания. Гораздо чаще оно выражает сопротивление, которое может быть спровоцировано содержанием предложенной конструкции, но может быть также легко вызвано каким-то другим фактором сложной аналитической ситуации. Таким образом, «нет» пациента не определяет правильности конструкции, хотя оно тесно связано с ней. Поскольку всякая конструкция неполна, поскольку она включает только небольшой фрагмент забытых событий, мы вправе предположить, что пациент спорит не с тем, что ему было сказано, а основывает свои возражения на той части, которая еще не была открыта. Как правило, он не даст своего подтверждения до тех пор, пока не узнает всей правды – которая часто включает в себя очень большую область. Поэтому единственная безопасная интерпретация его «нет» – указывает на незавершенность; нет сомнений, что конструкция не рассказывает ему обо всем.

Получается, следовательно, что прямое утверждение пациента после представления ему конструкции дает очень мало информации о том, правы мы или нет. Большой интерес представляет существование

косвенных форм подтверждения, достоверных во всех смыслах. Одна из них – это часто используемое (как будто бы все пациенты сговорились между собой) с очень небольшими вариациями выражение: «Я никогда не думал (или: «Я никогда бы не подумал») об этом». Это без всяких колебаний можно перевести как: «Да, Вы правы сейчас, говоря о моем *бессознательном*». К сожалению, эту формулу, так приветствуемую аналитиком, он слышит чаще после единичной интерпретации, а не после представления развернутой конструкции. Вместо того, чтобы приводить пример подобной ситуации из анализа (который легко найти, но долго рассказывать) я предпочту дать пример короткого вне-аналитического фрагмента, который представляет сходную ситуацию так ярко, что возникает комический эффект. Это касается одного из моих коллег, который много лет назад выбрал меня консультантом в своей клинической практике. Однажды, однако, он привел показать мне свою молодую жену, которая вызывала у него беспокойство. Она под любыми предлогами отказывалась вступить с ним в половые отношения, и он ожидал от меня, что я расскажу ей о последствиях такого неблагоприятного поведения. Я начал рассказывать и объяснил ей, что ее отказ, возможно, отрицательно скажется на здоровье мужа или сделает его подверженным искушениям, которые могут привести к распаду брака. В этом месте муж внезапно перебил меня замечанием: «Англичанин, которому Вы поставили диагноз опухоли мозга, тоже умер». Вначале замечание показалось непонятным; «тоже» в его фразе было загадкой, потому что мы не говорили больше ни о ком, кто умер. Но вскоре я понял. Муж подтверждал то, что я говорил, смысл его слов был: «Да, Вы правы. Ваш диагноз, поставленный другому пациенту, тоже подтвердился». Это было явной параллелью с косвенным подтверждением, которое мы получаем в анализе посредством ассоциаций. Я не пытаюсь отрицать здесь наличие других мыслей, соединенных вместе моим коллегой, которые также внесли свой вклад в возникновение этого замечания.

Косвенное подтверждение из ассоциаций, которое совпадает с содержанием конструкции – то, что дает нам «тоже», как в рассказанной мной истории – обеспечивает нам твердую основу, чтобы судить, находит ли конструкция подтверждение в ходе анализа. Особенно впечатляет, когда подтверждение такого рода выглядит как непосредственное отрицание из-за ошибочного действия (парапраксиса). В другом месте я уже опубликовал милый пример этого¹. Имя «Йаунер» (Jauner) (известное в Вене) повторялось в сновидениях одного моего пациента без достаточного объяснения в ассоциациях. В конце концов я предложил интерпретацию, что когда он говорит «Йаунер», он, возможно, имеет в виду «Гаунер» (Gauner) [жулик], на что он немедленно ответил: «Это кажется мне слишком «йевагт» (jewagt) [вместо «гевагт» (gewagt) – искусственным, притянутым за волосы]». Или еще один пример, когда я

¹ З.Фрейд. Психопатология обыденной жизни, гл.5.

предположил, что пациент считает определенную сумму оплаты слишком высокой, тот собирался отвергнуть это предположение словами: «Десять долларов ничего не значат для меня», но вместо долларов поставил монету меньшего достоинства и сказал: «Десять шиллингов».

Если анализ находится во власти мощных факторов, вызывающих негативную терапевтическую реакцию, таких, как чувство вины, мазохистская потребность в страдании или борьба против получения помощи от аналитика, поведение пациента, после того как ему была предложена конструкция, позволяет нам легко найти решение, которое мы ищем. Если конструкция ошибочна, с пациентом не происходит изменений; но если она правильна или приближает нас к правде, он реагирует на нее несомненным усилением симптомов и ухудшением общего состояния.

Мы можем обобщить материал, утверждая, что неоправданны упреки в том, что мы игнорируем или недооцениваем важность отношения анализируемых к нашим конструкциям. Мы обращаем внимание на него и часто получаем из него важную информацию. Но эти реакции со стороны пациента редко бывают однозначными и не дают возможности для окончательного суждения. Только дальнейший анализ дает нам возможность решить вопрос о правильности или неправильности наших конструкций. Мы не претендуем на то, что отдельная конструкция является чем-то большим, чем догадка, требующая проверки, подтверждения или опровержения. Мы не относимся к ней как к авторитету, не требуем прямого согласия от пациента, не спорим с ним, если вначале он отрицает ее. Короче говоря, мы ведем себя как знакомый персонаж в одном из фарсов Нестроя – мужчина-лакей, у которого на устах один ответ на каждый вопрос или возражение: «В будущем все прояснится» («Поживем – увидим»).

III

Вряд ли стоит описывать, как это происходит в процессе анализа, – как наша догадка превращается в уверенность пациента. Все это знакомо каждому аналитику из ежедневного опыта и доступно пониманию без труда. Только один момент требует изучения и объяснения. Путь, начинающийся с конструкции аналитика, должен закончиться воспоминаниями пациента; но он не всегда ведет так далеко. Довольно часто мы не достигаем успеха в привлечении пациента к воспоминанию того, что было вытеснено. Вместо этого, если анализ выполняется правильно, мы вызываем у него убеждение в правдивости конструкции, которое вызывает тот же терапевтический результат, как и восстановление памяти. Проблема в том, каковы обстоятельства, в которых это происходит, и как оказывается, что-то, что является неполной заменой, не приводит к полному результату – все это материал для дальнейшего изучения.

Я хочу завершить эту короткую статью несколькими замечаниями,

которые открывают более широкую перспективу. Я был поражен, как в некоторых анализах сообщение пациенту очевидно подходящей конструкции вызывало удивительное и вначале непонятное явление. У пациентов возникали живые воспоминания – которые они сами описывали как «неестественно подробные» – но то, что они вспоминали, было не событием – объектом конструкции, а какими-то деталями, относящимися к ее теме. Например, они вспоминали с аномальной четкостью лица людей, включенных в конструкцию, или комнаты, где могло происходить что-то в этом роде, или, еще шаг назад, мебель в этих комнатах – естественно, конструкция не содержала никакого знания об этом. Это происходило также в сновидениях сразу после предложения конструкции и в бодрствующем состоянии в виде снов наяву. Эти воспоминания дальше ни к чему не вели, и было бы справедливым отнести к ним как к продукту компромисса. «Стремление вверх» вытесненного вводится в действие предложением конструкции и старается выявить важные следы в сознании; но сопротивление добивается успеха – не в том, правда, чтобы *остановить* это движение – но в том, чтобы *переместить* его на смежные предметы меньшей значимости.

Эти воспоминания могут быть описаны как галлюцинации, если к их ясности прибавляется вера в их реальное присутствие. Важность этой аналогии кажется еще большей, если я замечу, что истинные галлюцинации иногда возникают и у других пациентов, безусловно, не являющихся психотиками. Моя линия размышления такова. Возможно, общая характеристика галлюцинаций, которой до сих пор не уделялось достаточно внимания, состоит в том, что в них воссоздается нечто пережитое в детстве, а затем забытое – нечто, что ребенок видел или слышал в то время, когда он едва ли еще говорил, нечто, что сейчас прокладывает свой путь в сознание, нечто искаженное и замещенное под воздействием тех сил, которые противостоят его воссозданию. И, поскольку существует тесная связь между галлюцинациями и определенными формами психозов, мы можем продолжить нашу линию дальше. Возможно, бред, в который эти галлюцинации так прочно включены, сам может быть менее независимым от стремления вверх бессознательного и возврата вытесненного, чем мы обычно предполагаем. В механизме бреда мы, как правило, выделяем два фактора: уход от реального мира и его сил, с одной стороны, и влияние, оказываемое удовлетворением желаний на содержание бреда, с другой. Но, может быть, это не так, и динамический процесс, скорее, состоит не в уходе от реальности, а эксплуатируется стремлением вытесненного наверх, чтобы протолкнуть его содержание в сознание, в то время как сопротивление, возбужденное этим процессом, и импульс к удовлетворению желаний отвечают за искажения и замещения того, что вспоминается? Это знакомый нам механизм сновидений, который интуиция с незапамятных времен сравнивает с безумием.

Такой взгляд на бред, как я думаю, не является полностью новым, но

он, тем не менее, делает акцент на точке зрения, которая обычно не считается основной. Суть ее в том, что в безумии существует не только *метод*, как уже сказал поэт, но также фрагмент исторической правды; и правдоподобным выглядит предположение, что компульсивная вера, присущая бреду, черпает свою силу именно из таких инфантильных источников. Все, что я могу сегодня высказать в поддержку этой теории, это реминисценции, а не свежие впечатления. Может быть, стоит предпринять попытку изучения случаев невыясненных расстройств, опираясь на гипотезы, которые были здесь высказаны, а также провести их лечение по этим же линиям. Должны быть оставлены тщетные усилия убедить пациента в ошибочности бреда и его противоречии с реальностью; и, наоборот, признание в нем зерна правды позволит создать общую почву для начала терапевтического процесса. Этот процесс будет состоять из высвобождения фрагмента исторической правды от искажений и привязок к сегодняшнему дню и в возвращении его назад, в прошлое, которому он принадлежит. Перевод материала из забытого прошлого в настоящее или ожидаемое будущее – дело обычное для невротиков не менее, чем для психотиков. Довольно часто, когда невротик находится в тревожном состоянии в предвосхищении какого-либо ужасного события, он, на самом деле, просто находится под влиянием вытесненных воспоминаний (которые пытаются войти в сознание, но не могут быть до конца осознаны) того, что нечто ужасное тогда действительно случилось. Я уверен, что мы сможем приобрести много ценных знаний благодаря такой работе с психотиками, даже если она не приведет к терапевтическому успеху.

Я сознаю, что не много толку в изложении такого важного вопроса так бегло, как я это сделал. Но, тем не менее, я не в силах противиться искушению привести аналогию. Бред пациентов кажется мне эквивалентом конструкций, которые мы строим в процессе аналитического мышления – попыткой объяснения и излечения, хотя понятно, что он в условиях психоза не может достигнуть большего, чем замещения фрагмента реальности: отвергаемый фрагмент настоящего замещается другим, который уже был отвергнут когда-то в отдаленном прошлом. Задачей каждого индивидуального исследования является обнаружение тайных связей между отвергаемым сегодня и исходным вытеснением. Так же как наша конструкция является эффективной только потому, что она восстанавливает фрагмент потерянного опыта, так и бред обязан своей убедительной силой элементу исторической правды, который он вставляет на место отвергнутой реальности. Таким образом, предположение, которое я вначале делал для одной истерии, подходит также и к бреду – а именно, что те, кто подвержены ему, страдают от собственных воспоминаний. Я ни в коем случае не собираюсь этой короткой формулой оспаривать комплексность причин болезни или исключать из действия многие другие факторы.

Если мы рассмотрим человечество как целое по аналогии с от-

дельным человеком, мы обнаружим, что оно также выработало бред, недоступный для логической критики и противоречащий реальности. Если, несмотря на это, бред приобретает над ним исключительную власть, исследование ведет нас к тому же объяснению, что и в случае отдельного человека. Бред обязан своей властью элементу исторической правды, который он привносит из вытесненного и забытого первобытного прошлого.

Перевод А.Ф.Ускова